

Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений

Т. М. Садалова^{1,2}, Т. Н. Паштакова³

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

² Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия

³ Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Представлено сопоставительное исследование алтайского и монголо-ойратского эпоса на материале алтайских героических сказаний, в том числе «Кан-Алтын», и монголо-ойратских сказаний «Хан Харангуй», «Гэсэр». Проведен сравнительный анализ сюжетных линий, мотивов и образов сказаний «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй», обозначено отражение образа ойрат-монгольского эпического героя Гэсэра в алтайских мифах и эпосе. Выявлены универсальные мотивы чудесного рождения героев, борьбы с мифологическими врагами в облике чудовищ, сватовства, установления миропорядка на земле. Несмотря на общие историко-культурные пласты в эпосе алтайцев и монголо-ойратов, есть и заметные различия. В монголо-ойратском эпосе прослеживаются буддистские религиозные наслоения, в то время как алтайский сохраняет архаичные мифологические черты.

Ключевые слова

монголо-ойратский эпос, алтайские сказания, архаические истоки, мифы, сюжет, образы, сравнительно-сопоставительный анализ, сказители, Кан-Алтын, Хан Харангуй, Гэсэр

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 24-48-03026 «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (2024–2026 гг., руководитель – Б. А. Бичеев; <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 43–50. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

On common plot aspects of Altai and Mongol-Oirat epics

Т. М. Sadalova^{1,2}, Т. Н. Pashtakova³

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

² S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russia

³ National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin, Gorno-Altai, Russia

Abstract

This paper presents a comparative study of the Altai and Mongol-Oirat epics. The study is relevant due to its contribution to historical and typological studies of epics, as well as the increasing interest of Turkic-Mongol peoples in preserving their ethnocultural identity. The primary objective was to identify common plotlines, motifs, and images associated with epic characters. Included in the study resources are the Altai heroic tale “Kan-Altyn,” as narrated by storyteller T. A. Chachiyakov, and the Mongol-Oirat tales “Khan-Kharanguy” and “Geser.” A comparative analysis of “Kan-Altyn” and “Khan-Kharanguy” was conducted. In addition, the authors investigated how the image of the hero Geser from the Oirat-Mongol epic is presented in Altai mythology and epic poetry. By focusing on the under-researched epic literature of the Altai and Oirat Mongols, this work introduces a unique perspective to the field of comparative studies involving Turkic and Mongol cultures. The analysis uncovered universal motifs such as the miraculous birth of a hero, battles with mythological monsters, matchmaking rituals, and the

© Т. М. Садалова, Т. Н. Паштакова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

establishment of a world order. The key finding of the study is that, despite a shared historical and cultural context, the Mongol-Oirat texts reflect Buddhist influences. In contrast, the Altai narratives preserve a more archaic mythological framework rooted in ancient beliefs. The authors suggest that further comparative analyses of a broader range of epic texts within these traditions would be promising for future research.

Keywords

Mongol-Oirat epic, Altai tales, archaic origins, myths, plot, imagery, comparative analysis, storytellers, Kan-Altyn, Khan-Kharanguy, Geser

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-48-03026, “The epic landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from the archaic epic to the book text)” (2024–2026, under the leadership of B. A. Bicheev; <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

For citation

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. Ob obshchikh syuzhetnykh aspektakh altayskikh i mongolo-oyratskikh epicheskikh proizvedeniy [On common plot aspects of Altai and Mongol-Oirat epics]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 43–50. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50

Введение

Обращаясь к сравнительному анализу алтайского и монголо-ойратского эпоса, стоит отметить, что эта тема уже получила освещение в науке. Например, отдельные аспекты сопоставления монгольского эпоса «Гэсэр» и алтайских сказаний рассматривались рядом исследователей. С. С. Суразаков в статье «К проблеме сравнительно-исторического изучения эпоса народов Сибири» указывал: «Во многих сходных произведениях разных народов особенно близкими являются отдельные эпизоды и мотивы: рождение от старых родителей; богатырь рождается «с золотой грудью и серебряным торсом», «зажав в руке запекшуюся черную кровь»; чудесны и способности богатыря: оборотничество, оживление, вызывание снегопада и т. д.» [Суразаков 1982: 15–16].

В статье «О мифологическом пространстве “Алтай” в эпосе “Гэсэр”» Т. М. Садалова дает общую характеристику Алтая как священной, родовой и «серединной» земли в трехмерном мифологическом измерении пространства и для алтайского, и для монгольского эпоса [Садалова 2016: 481–485].

Нужно отметить весомый вклад в разработку данной темы С. Ю. Неклюдова, выявившего на основе устных и книжных традиций сходство эпоса «Гэсэр» с тюркскими эпосами, в частности, с тувинской и алтайской версиями [Неклюдов 2019: 423–431]. К алтайской версии «Гэсэра» он относит близкие сюжеты в мифах и эпических текстах, зафиксированных В. В. Радловым [1866], Г. Н. Потаниным [1883], В. И. Вербицким [1893]. Интересно, что обнаруженные им параллели касаются деяний Гэсэра и популярных алтайских мифологических персонажей Сартакпая, Тюрун Музыкайа, а также эпического героя Кан-Пудая.

В нашей статье представлен сравнительный анализ эпических сюжетных линий в эпосах алтайцев и монголо-ойратов «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй», а также выявление образа Гэсэра в алтайском фольклоре. Алтайский эпос, благодаря сохранению в нем множества архаических сюжетов, мотивов и эпизодов, а также образов, дает представление о богатом и многослойном его содержании. В нем обнаруживаются сюжетные линии, перекликающиеся с монголо-ойратскими сказаниями.

Алтайский эпос «Кан-Алтын», анализируемый здесь в сопоставлении с монголо-ойратскими эпическими произведениями, был записан у известного алтайского сказителя Т. А. Чачиякова; его варианты были зафиксированы у А. Г. Калкина и С. И. Савдина [Алтайские героические сказания 1997]. Видимо, этот эпос был одним из самых популярных героических сказаний. Особого внимания заслуживает и тот факт, что Т. А. Чачияков и С. И. Савдин усвоили «Кан-Алтын» от одного и того же учителя – Сакарова Кууака. Как указывает З. С. Казагачева, на основе широкого спектра текстов эпоса можно выявить не только особенности сказительских традиций, представленных тремя названными исполнителями алтайского эпоса, но и все то, что присуще эпическому наследию алтайцев в целом [Казагачева 2002а: 18]. В архиве Института алтаистики им. С. С. Суразакова хранятся разновременные записи сказания «Кан-Алтын» от Т. А. Чачиякова 1965 и 1985 гг. [Казагачева 2002б: 121].

Сказание «Хан Харангуй», по мнению Г. Д. Санжеева, является весьма большим произведением для монголо-ойратского героического эпоса. Обычные халха-монгольские улигеры могут содержать до полутора тысяч стихов [Санжеев 1937: 17]. Оба сравниваемых произведения – и «Кан-Алтын», и «Хан Харангуй» – имеют объем более 4000 строк и представляют собой обширный материал для анализа.

1. Сравнительный анализ сказаний «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй»

Во всех разновременных записях эпоса «Кан-Алтын» от Т. А. Чачиякова устойчиво сохраняется сюжетная канва, связанная с мотивом о бездетном хане и чудесном рождении сына. Однако основной конфликт, который заключается в борьбе представителей трех миров за обладание чудесными музыкальными инструментами – «золотым шором с шестью суставами» и «медным шором с семью суставами», в других текстах отсутствует [Казагачева 2002б: 185].

В эпосе «Кан-Алтын» один за другим следуют эпизоды, в которых богатырь Кан-Алтын и его рыжий конь борются с враждебными силами. Сначала они противостоят двум одинаковым Кюлер-каанам «на двух одинаковых бурых конях», затем следует сюжет о борьбе «с двумя Дьек-Дьыланами» (Глоталами-Змеями). Одержав победу над ними, Кан-Алтын и его конь вступают в битву с Дьингис-кааном «в шапке из дерна» и, наконец, с семью шулмусами [Алтайские героические сказания 1997: 393–493]. В завершающем сюжете на первое место выходит сын богатыря, который добывает себе невесту и женится на ней [Там же: 501–551].

Кан-Алтын с божественными дарами (золотой и медный шор) приравнен к божеству. Подтверждение тому – ниспосланность ему не только шоров, но и «небесных коней» (огненно-рыжих жеребцов), и другие признаки [Казагачева 2002б: 219].

С. Ю. Неклюдов, ссылаясь на монгольского исследователя Хорлоо, пишет, что Хан Харангуй рожден «противостоять земле и бороться с небом» [Неклюдов 1984: 106]. Как правило, покровителями Хан Харангуя выступают буддийские божества: «Хан Харангуй выходит победителем в борьбе с посланцами тэнгриев лишь благодаря тому, что ему помогают буддийские божества... а на челе у него величие Махакалы» [Санжеев 1937: 22].

Борьбу с мирами мы наблюдаем и в «Кан-Алтыне», где активно задействованы все три мира: «главным противником Кан-Алтына выступает Эрлик, Кан-Алтын не спускается в Нижний мир, его борьба с посланцами Эрлика происходит в Среднем мире» [Казагачева 2002б: 12].

Сюжет «Кан-Алтына» построен на мотивах, к которым относятся: сборы богатыря в поход, путь богатыря (преодоление множества гор, рек, степей), встреча с врагами и сражение, исход поединка, посещение земли врага, возвращение домой, сон. Главной завязкой сюжета являются звуки музыкального инструмента – шора, которые слышали Уч-Курбустаны Верхнего мира, Кюлер-кааны в Среднем мире и Эрлик в Нижнем мире [Алтайские героические сказания 1997: 333]. С этого момента начинается борьба за обладание шорами. Второе существенное дополнение касается причин поведения эпических персонажей – ста богатырей, помощников Кан-Алтына, и его сына (в эпизоде борьбы с семью шулмусами).

Противников Хана Харангуя можно разделить на две категории: пятнадцатиголовый мангус, Эрхим Хара и Хатан Цэнгэл, с одной стороны, Наран Саран Тулай, пять драконов, хан мангусов, неизвестное существо и черный злобный враг, с другой. Если первые противники борются с Ханом Харангуем из-за личных интересов, то другие сражаются с ним по поручению Бурал-хана и тэнгриев.

В героическом сказании «Кан-Алтын» часть сюжетных линий связана с противостоянием Кан-Алтына с Кан-Капшукаем, Кюлер-каанами, мифологическими Глоталами-Змеями, Дьингис-кааном. Также сюжетную линию составляют мотивы героического сватовства и женитьбы сына Кан-Алтына, Алтын-Топчы, на единственной сестре ста богатырей и совместное противостояние сына и отца семи шулмусам.

В обоих эпических текстах присутствует мотив оживления героев: самого Хан Харангуя, его младшего брата Уладай Мэргэна и побратима Хиргис Сайн Буйдэра, превращенных в девяностоголового черного мангуса, каменное изваяние и желтого вепря соответственно. Родившийся в их отсутствие племянник Хан Харангуя по совету родителей отправляется к бодхисаттве Хоншиму, который сообщает ему о трех буддийских святынях [Санжеев 1937: 74]. Именно с помощью этих святынь юному герою удастся вернуть к жизни трех «заколдованных» богатырей. «Сказание завершается описанием счастливой семейной жизни героев в обществе их прекрасных жен и

сыновей – наследников богатырской славы» [Дугаров 2018: 135]. В алтайском эпосе Кан-Алтын и его сын Алтын-Топчы живыми травами и целебными водами оживляют сто богатырей, братьев супруги [Алтайские героические сказания 1997: 535].

Помощниками Хана Харангуя являются его брат Уладай Мэргэн и Хиргис Сайн Буйдэр, Бурал-хану же помогают Наран Саран Тулай и силачи Аргай Бухэ, Шаргай Бухэ.

В эпосе «Кан-Алтын» мотив рождения сына Кан-Алтына в его отсутствие и сильного батыра-помощника в его лице усиливают мощь отца. Алтын-Топчы, приехавший свататься к сестре Ак-богатырей, застаёт битву братьев с семью шулмусами (борьба с этими мифологическими противниками длится уже сто лет) и спешит им помочь. Но тут он обнаруживает следы коня необычайно могущественного богатыря. Оказывается, когда шулмусы истребили почти всех братьев-богатырей, подоспевший Кан-Алтын расправился с пятью шулмусами и теперь сражается с шестым. Алтын-Топчы тоже вступает в битву. Рядом бьются богатыри двух поколений [Там же: 421–531].

Обычно помощниками героя являются равные ему или побежденные им богатыри, принявшие клятву быть названными братьями, условием их побратимства является помощь друг другу во всех тяжелых ситуациях. В героическом эпосе монголо-ойратов побратимство совершается в результате того, что два витязя не могут одолеть друг друга. В эпосе «Кан-Алтын», когда прожорливые Кюлер-кааны погибают, Кан-Алтын проявляет милосердие по отношению к малолетнему сыну Кюлер-каанов, который впоследствии становится его побратимом [Там же: 551]. В алтайском эпосе побратимы есть и у отрицательных героев. Узнав о том, что у двух Кюлер-каанов есть друзья-побратимы – два кровожадных змея (самка и самец), Кан-Алтын приезжает к чудовищам и уничтожает их. Огненной стрелой, посланной из богатырского лука, он сжигает дотла землю чудовищ [Там же: 403].

Так, в сопоставляемых сказаниях мы выявляем основную сюжетную линию: участие главных героев в борьбе Верхнего и Нижнего миров на стороне небесных божеств. При этом обнаружены сходные мотивы и эпизоды: отправка богатырей в поход, преодоление препятствий, битвы с врагами, победа над врагами. Достаточно ярко перекликаются характеристики главных героев, образы их помощников. Как в алтайском, так и в монголо-ойратском эпосах представлены мотивы побратимства, которые являются важными составляющими в эпических произведениях. В них почти одинаково происходит распределение на помощников героев и их противников.

2. Отражение образа Гэсэра в алтайских мифах и эпосе

Лексема *кезер* / *кесер* в алтайских эпических произведениях является нарицательной и выступает синонимом слова ‘батыр’, которое означает титул героя. Как отмечает С. С. Суразаков, «наряду со словом “баатыр”, общим для монголов и тюрков, сохранились и другие древние титулы воинов и бытовые наименования героев: *алын* (в орхонском памятнике – *алт*), *эр*, *кезер*, *кюлюк*, *солоон*» [Суразаков 1985: 30]. В другом случае слово *кесер* понимается как ‘богатырь, силач’ [Алтайские героические сказания 1997: 639].

В мифах, опубликованных К. В. Ядановой, упоминается персонаж Кесер в числе создателей мира: «Боудо-Бырман и Кесер создают землю. Боудо предопределяет людям жизнь: умирать и в младенчестве, и в старости... Кэсер – хозяин земли, Боудо – дух-хозяин Бога-кудая...» [Яданова 2013: 116]. К. В. Яданова, комментируя пояснения своего информанта о функции Боудо, предполагает: «рассказчица, видимо, имела в виду, что Боудо является высшим богом». И упоминает еще одно уточнение респондента: «Боудо и Кесер создавали землю. Боудо и Кесер вдвоем землю творили – творили, творили-творили, создавая, оказывается, встретились» [Яданова 2013: 223]. Другими словами, в этих мифах Кесер входит в число божественных творцов земли, хотя он и ниже по статусу, чем верховный бог Боудо. К тому же в этом мифе отмечается, что последнее слово божественного творца остается за Боуди: «Кесер говорит: “Люди много не размножатся. Человек должен быть сильным, должен [жить] много лет. Детей... больше двух-одного не должен иметь детей...” Боудо, оказывается, скажет: “Людей должно быть и много, и мало... Кесер хозяин земли, Боудо же, хозяин [наверху]»» [Яданова 2013: 225]. Таким образом, Кесер в алтайских мифах является одним из небожителей.

Роль Кесера перекликается с функцией персонажа Тюрүн-Музыкай, которого С. Ю. Неклюдов считает образом Гэсэра в алтайской мифологии: «Он – владыка среднего из девяти миров (что соответствует эпитету Гэсэра “владыка десяти стран света”), один из трех богатырей

верховного бога Ульгения (в чем легко усмотреть трансформацию мотива “один из трех сыновей верховного бога”))» [Неклюдов 2019: 428]. То есть в алтайской мифологии в характеристике божественных персонажей прослеживаются мотивы, связанные с монгольским эпическим героем Гэсэром.

Сопоставляя эпос «Гэсэр» с алтайскими эпическими текстами, С. С. Суразаков выделяет мотив «трудные поручения» в эпизоде брачных испытаний, когда Гэсэр должен достать перья птицы Хан-Хэрдиг [Суразаков 1982: 16]. В алтайских сказаниях подобный мотив является достаточно распространенным. Мотивы трудных поручений, брачных состязаний являются частями крупного архаического мотива о героическом сватовстве. Например, в алтайском сказании «Аин-Шаин-Шикширге» герой выполняет трудное поручение – привозит в ставку Тойбон-хана Кан-Кереде [Никифоров 1915: 232]. В «Гэсэре» мотив трудных поручений органично соединяется с мотивом змееборства.

В примечаниях к «Аносскому сборнику» Г. Н. Потанин сопоставляет мотив испытания отцом своих сыновей в сказании «Тектебей-Мерген» с испытанием трех молодых людей, младшим из которых оказался Гэсэр [Никифоров 1915: 234].

В автобиографических воспоминаниях исследователя и исполнителя эпоса И. Б. Шинжина есть упоминание о сказителях, в репертуаре которых был эпос «Кезер»: его брат Тензе знал много героических сказаний, в том числе «Кан-Кезер», «Кезер», он упоминает имя еще одной сказительницы – Тужаловой Талат, которая знала эпос «Кезер»: «Она исполняла “Кан-Кезер”, “Янгар” и другие сказания. Не каем, а полугортанным пением. Порой сопровождала свое исполнение игрой на топшууре, а иногда без топшуура»¹. Из услышанных в детстве сказаний И. Б. Шинжин воспроизвел несколько: «Алтын-Саадак», «Кан-Шиней», «Ай-Мерген» – и к концу жизни издал сказание «Кезер» под названием «Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр» («Мужественный и мудрый Кезер-Богатырь») [Шинжин 2020].

В бурятской версии эпоса «Гэсэр» герой, будучи сыном небожителя Хурмасты, заново рождается на земле от престарелых родителей [Абай Гэсэр-Хубун 1961: 30]. В алтайском эпосе достаточно распространенным является мотив рождения героя от престарелых родителей или неизвестный факт его рождения (чудесное рождение). В связи с этим мы соглашаемся с В. Ц. Найдаковым и С. Ш. Чагдуровым, которые объясняют второе рождение Гэсэра на земле таким образом: «Гэсэр – сын небожителя Хурмасты, вступив в пределы земли и став обитателем срединного мира, заново рождается на земле от земных родителей, по представлениям создателей эпоса, небесному жителю не дано вмешиваться в земные дела, также невозможным признается и «вторжение» в иную сферу. Чтобы получить право участвовать в делах людей, эпический герой должен сделаться земным по происхождению, то есть приобрести новую земную ипостась» [Найдаков, Чагдуров 1986: 7]. В алтайском эпосе «Янгар» Мать-Пуповины Земли (божество-покровитель героев в среднем мире) просит верховное божество Юч Курбустана сотворить для битвы с подземными силами нового богатыря – Бодой батыра, но чтобы стать земным богатырем, тот рождается из градинки, проглоченной престарелой женщиной, и вырастает в течение нескольких дней [Янгар 2025: 224]. В «Гэсэре» герой для поиска души чудовища Орголи попадает в его утробу [Гэсэр 1986: 275], в алтайских сказаниях душа врага находится вне его тела [Маадай Кара 1973; Янгар 2025]. В алтайской эпической традиции мотив поиска души героя также является популярным.

В «Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр» в исполнении И. Б. Шинжина содержание эпического произведения в целом соответствует алтайским героическим сказаниям, состоящим из традиционных мотивов (рождение героя, наречение имени, получение боевого коня, выезд на охоту и т. д.). Но в нем наблюдаются и определенные параллели с монгольским эпосом «Гэсэр». Так, герой тоже рождается от престарелых родителей, отца зовут Кан-Сюмер (букв.: Прекрасный Сюмер, от *сюмер* ‘вершина высокой горы’), мать – Эне-Дьай (букв.: Мать-Лето; возможно, здесь сокращенный вариант теонима Эне-Дьайаачы ‘Мать-Творец’), что свидетельствует об их необычности и указывает на их высокий статус в среднем мире. Кезер рождается с наконечником стрелы в правой ладони [Шинжин 2020: 12], и этот мотив известен не только в алтайских сказаниях

¹ НМРА КП ОФ 12645/78 – Автобиография И. Б. Шинжина; записана И. Б. Шинжиным для Бориса Михайловича Шульгина. Рукопись на шести листах, датирована 28.01.1999 г.

и преданиях, но и в монгольском фольклоре. Важно, что в самом тексте алтайского сказания подчеркивается, что Кезер спущен с неба для управления народом на земле [Шинжин 2020: 24].

Общие с «Гэсэром» мотивы следует отметить в популярных алтайских сказаниях: освобождение родителей из плена подземного владыки Эрлик-бия и в финале вознесение на небо богатыря [Маадай-Кара 1973: 435–436], а в «Гэсере» повествуется «о вызволении его земной матери из ада, а также о возвращении героя на небо после завершения земной миссии» [Неклюдов 2019: 261]. Гэсэр воюет с многочисленными чудовищами, что также часто встречается в алтайских сказаниях, например, в сказании И. Б. Шинжина Кезер сталкивается с многоголовым чудовищем Дьелбегеном [Шинжин 2020: 64–67].

Как главный герой сказаний о Гэсэре, так и алтайские богатыри видят свое предназначение в защите земли, в победе над всевозможными врагами, чудовищами, в установлении мира. В алтайских мифах и эпических сказаниях наблюдаются мотивы перерождения небожителей на земле или чудесное рождение посланников верховных божеств с конкретными задачами для противостояния с чудовищами и победы над ними.

Заключение

Сравнение сюжетных линий, мотивов и образов монголо-ойратских и алтайских героических сказаний позволяет говорить об их общих архаических истоках. В сопоставляемых эпических произведениях алтайцев и монголо-ойратов «Кан-Алтын» и «Хан Харангуй» выявлены наиболее универсальные мотивы чудесного рождения героев, борьбы с мифологическими врагами в облике чудовищ, сватовства, установления миропорядка. К совпадающим сюжетным линиям относятся: борьба героев на стороне небесных божеств с антагонистами из подземного мира (отправка богатырей в поход, преодоление препятствий, битвы с врагами, победа над врагами). Во многом похожи образы главных героев, их помощников.

После проведенного анализа отражения образа монголо-ойратского эпического героя Гэсэра в алтайских мифах и эпосе выявлены совпадения не только мотивов в сказаниях (чудесное рождение у престарелых родителей, исполнение трудных поручений, поиски души врага, возвращение героем родителей из подземного мира), но и характеристик героев в мифологических рассказах (божественное происхождение, отправка героя на землю для защиты людей). Это свидетельствует о достаточно раннем возникновении и единых корнях этих эпических сюжетов и мотивов. Несмотря на общие страницы в истории и культуре проживающих по соседству народов, в монголо-ойратском эпосе проявляются буддистские религиозные наслоения, тогда как в алтайском эпосе наблюдается мифологическая картина противостояния разных уровней трехмерного пространства, что отражает более древнюю религиозно-идеологическую систему.

Список литературы

- Абай Гэсэр-Хубун*: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказителя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоимонова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят комплекс. НИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
- Алтайские героические сказания*. Очи-Бала. Кан-Алтын / Отв. ред. тома В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15).
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. М.: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. 221 с.
- Гэсэр*. Бурятский героический эпос. Перевод В. Солоухина / Науч. ред. С. Ш. Чагдуров. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1986. 288 с.
- Дугаров Б. С.* Эпос «Хан Харангуй»: традиция и буддийская интерпретация // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство. Седьмые Доржиевские чтения: Буддизм и современный мир. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 133–139.
- Казагачева З. С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002а. 48 с.
- Казагачева З. С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2002б. 352 с.
- Маадай Кара*. Алтайский героический эпос / сост. С. С. Суразаков. М.: Наука, 1973. 465 с. (На алтайском и русском яз.)

- Найдаков В. Ц., Чагдуров С. Ш. Героический эпос бурят // Гэсэр. Бурятский героический эпос. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1986. 288 с.
- Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. 308 с.
- Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Никифоров Н. Я. Аноский сборник / Зап. Н. Я. Никифорова от сказителя Ч. Куранакова. Пер. Н. Я. Никифорова, Г. Н. Потанина. Предисл. и примеч. Г. Н. Потанина. Омск: Типография штаба Омского военного округа, 1915. 262 с.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. СПб.: Типография Академии наук, 1866. 419 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Имп. РГО, 1883. 1026 с.
- Садалова Т. М. О мифологическом пространстве «Алтай» в эпосе «Гэсэр» (About the mythological space “Altai” in the epic “Geser”) // The 8th International Conference on Geser / Geser Studies in Congratulation of the 300th Anniversary of the Publication of Beijing Woodenblock Geser. Beijing, China, 2016. Pp. 481–485.
- Санжеев Г. Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 170 с.
- Суразаков С. С. Из глубины веков. Статьи о героическом эпосе алтайцев. Сост. З. С. Казагачева. Горно-Алтайск: Алт. книж. отд-ние, 1982. 144 с.
- Суразаков С. С. Алтайский героический эпос / Под ред. В. М. Гацака. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Шинжин Т. Б. Чыдым ла ойгор Кезер-Баатыр («Мужественный и мудрый Кезер-Богатырь»). Алтайское героическое сказание. Онгудай: Арусвати, 2020. 368 с.
- Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск, 2013. 256 с.
- Янгар. Алтайский героический эпос. Н. К. Ялатов. Т. 2 / Перев. Т. М. Садалова, Т. Н. Паштакова. Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын-Туу», 2024. 476 с.

References

- Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant) [Abai Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit-Bulagat variant)]*. Recorded by Ts. Zhamtsarano from the storyteller Manshut Imegenov; M. P. Khomonov (text prep., transl., and notes). Buryat Complex Research Institute SB AS USSR. Ulan-Ude, 1961, 231 p. (In Russian)
- Altayskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altai heroic tales. Ochi-Bala. Kan-Altyn]*. V. M. Gatsak (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 668 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 15). (In Russian)
- Dugarov B. S. Epos “Khan Kharanguy”: traditsiya i buddiyskaya interpretatsiya [The epic “Khan Harangui”: tradition and Buddhist interpretation]. In *Buddiyskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo. Sed'mye Dorzhievskie chteniya: Buddizm i sovremennyy mir [Buddhist culture: history, source studies, linguistics and art. Seventh Dorzhiev readings: Buddhism and the modern world]*. St. Petersburg, Svoe izd., 2018, pp. 133–139. (In Russian)
- Geser. *Buryatskiy geroicheskiy epos [Buryat heroic epic]*. V. Soloukhin (Transl.), S. S. Chagdurov (Ed.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1986, vol. 1, 288 p. (In Russian)
- Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochi-bala,” “Kan-Altyn.” Aspekty tekstologii i perevoda [Altai heroic tales “Ochi-bala,” “Kan-Altyn.” Aspects of textology and translation]*. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Moscow, 2002, 48 p. (In Russian)
- Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochi-bala,” “Kan-Altyn” (Aspekty tekstologii i perevoda) [Altai heroic tales “Ochi-Bala,” “Kan-Altyn” (Aspects of textology and translation)]*. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2002, 352 p. (In Russian)
- Maaday Kara. Altayskiy geroicheskiy epos [Maadai Kara. Altai heroic epic]*. S. S. Surazakov (Comp.). Moscow, Nauka, 1973, 465 p. (In Altai and Russian)
- Naydakov V. Ts., Chagdurov S. Sh. Geroicheskiy epos buryat [Heroic epic of the Buryats]. In *Geser. Buryatskiy geroicheskiy epos [Geser. The Buryat heroic epic]*. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1986, vol. 1, pp. 5–12. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Fol'klorny landscape Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epics]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Geroicheskiy epos mongol'skikh narodov. Ustnye i literaturnye traditsii* [The Heroic Epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions]. Moscow, Glav. red. vost. lit., Nauka, 1984, 308 p. (In Russian)

Nikiforov N. Ya. *Anoskiy sbornik* [Anoss collection]. Recorded by N. Ya. Nikiforov from the storyteller Ch. Kuranakov. N. Ya. Nikiforov, G. N. Potanin (Transl.), G. N. Potanin (Preface and notes). Omsk, Tip. shtaba Omskogo voennogo okruga, 1915, 262 p. (In Russian)

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Vyp. IV. Materialy etnograficheskie* [Essays on North-Western Mongolia. Issue IV. Ethnographic materials]. St. Petersburg, Imp. RGO, 1883, 1026 p. (In Russian)

Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe]. St. Petersburg, Tip. Akademii nauk, 1866, pt. 1, 419 p. (In Russian)

Sadalova T. M. O mifologicheskom prostranstve "Altay" v epose "Geser" (About the mythological space "Altai" in the epic "Geser"). In *The 8th International Conference on Geser. Gesar Studies in Congratulation of the 300th Anniversary of the Publication of Beijing Woodenblock Geser*. Beijing, China, 2016, pp. 481–485. (In Russian)

Sanzheev G. D. *Mongol'skaya povest' o khane Kharanguy* [The Mongolian Tale of Khan Harangui]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937, 170 p. (In Russian)

Surazakov S. S. *Iz glubiny vekov. Stat'i o geroicheskom epose altaytsev* [From the depths of the centuries. Articles on the heroic epic of the Altaians]. Z. S. Kazagacheva (Comp.). Gorno-Altaysk, Altayskoe kn. otd., 1982, 144 p. (In Russian)

Surazakov S. S. *Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic]. V. M. Gatsak (Ed.). Moscow, Nauka, 1985, 256 p. (In Russian)

Shinzhin T. B. *Chydym la oygor Kezer-Baatyr. Altayskoe geroicheskoe skazanie* [The courageous and wise Kezer-Bogatyir. Altai heroic legend]. Onguday, Arusvati, 2020, 368 p. (In Russian)

Verbitsky V. I. *Altayskie inorodtsy* [Altai members of national minority]. Moscow, Skoropech. A. A. Levenson, 1893, 221 p. (In Russian)

Yadanova K. V. *Predaniya, legendy, bylichki telengitov doliny Ere-Chuy* [Legends, epics of the Telengites of the Erechui Valley]. Gorno-Altaysk, 2013, 256 p. (In Russian)

Yangar. *Altayskiy geroicheskiy epos* [Yangar. Altai heroic epic]. Storyteller Nikolai Yalatov. T. M. Sadalova, T. N. Pashtakova (Transl.). Gorno-Altaysk, Literat.-izd. dom "Altyn-Tuu," 2024, vol. 2, 476 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
24.08.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Тамара Михайловна Садалова – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация); Институт алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

Tamara M. Sadalova – Doctor of Philology, Senior Researcher, Kalmyk State University named after. B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

sadalova-t@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

Татуна Николаевна Паштакова – научный сотрудник, Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина (Горно-Алтайск, Россия)

Tatuna N. Pashtakova – Researcher, National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

ms.tatuna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2659-3572>